

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. А. КОКИЕВ

С. В. КОКИЕВ — ЭТНОГРАФ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Жизненный и творческий путь Саввы Васильевича Кокиева совершенно не изучен, а между тем С. В. является одним из выдающихся просветителей осетинского народа второй половины XIX в. и лучшим знатоком его этнографии.

Точная дата рождения С. В. Кокиева неизвестна. Он родился в сороковых годах XIX в. в Алагирском ущельи. В селении Садон, Алагирского ущелья, до наших дней сохранились родовые башни Кокиевых. По окончании сельской школы Кокиев учился в Закавказской учительской семинарии, в Гори, которую окончил со званием учителя народных училищ. В августе 1869 г. С. В. Кокиев поступил учителем подготовительного класса Владикавказского первого реального училища. Через семь лет службы он был представлен для производства в первый классный чин. Но этого он не удостоился по следующему курьезному обстоятельству: указом Правительствующего Сената от 2 августа за № 3263 он был оставлен без производства в первый классный чин по незаверению установленным в законе порядком метрического свидетельства о его рождении¹.

Кокиев учительствовал во Владикавказском реальном училище свыше 20 лет, но в 1891 г. вынужден был подать в отставку. История отставки Кокиева, по его собственным словам, сводится к следующему. Во Владикавказе существовало много лет осетинское Ольгинское женское училище, содержавшееся на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе и состоявшее под покровительством великой княгини Ольги Феодоровны. Однако экзарх Грузии в январе 1891 г. закрыл это училище. Тогда было подано прошение обер-прокурору св. Синода К. П. Победоносцеву об оставлении училища. Под этим прошением в числе других 16 подписей была и подпись С. В. Кокиева. Местная высшая администрация в этом смиренном прошении усмотрела чуть ли не бунт. Правда, Ольгинская школа была вновь открыта, но начальник Терской области генерал Каханов настоял на увольнении С. В. Кокиева (ему «предложили» выйти в отставку)² и на административной высылке его из Терской области, как неблагонадеж-

¹ Исторический архив Северо-Осетинской АССР. Фонд Владикавк. первого реального училища. 1876 г., св. 10, д. № 22.

² Рукописный отд. Института мировой литературы им. А. М. Горького. Личный архив В. Ф. Миллера. Письмо С. В. Кокиева к В. Ф. Миллеру от 28 августа 1891 г. Пользуясь случаем, приношу искреннюю признательность научной сотруднице рукописного отд. Ольге Климентьевне Грудзь за ее содействие в выявлении и извлечении нужного мне материала из личных архивов В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского.— Г. К.

ного в политическом отношении. С. В. Кокиев был выслан в Ташкент.

Закрытие единственного в то время в Осетии женского учебного заведения повышенного типа вызвало справедливое возмущение в сознательной части осетинского населения. С резкой критикой действий терской администрации выступил в печати великий осетинский поэт, революционный демократ Коста Хетагуров, который писал, что «нельзя не признать вполне своевременным и уместным протест владикавказских осетин»³.

В Ташкенте Кокиев работал в Управлении Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Имеются сведения, что Кокиев, благодаря своим левым политическим взглядам пользовался широкой популярностью среди рабочих-железнодорожников, а его квартира в Ташкенте была для революционно настроенных железнодорожников местом явки⁴. После подавления революции 1905 г. Кокиев переехал в Ревель, где служил на вагоно-строительном заводе. В Ревеле он и умер в 1910 г. Тело его было перевезено во Владикавказ и похоронено на городском кладбище.

Обратимся к этнографической деятельности С. В. Кокиева.

Приступая к изучению осетинского языка и этнографии, В. Ф. Миллер правильно оценил громадную роль, какую могли сыграть в этом деле осетины. В числе первых интеллигентных осетин, вовлеченных в широко задуманную этнографическую и языковую работу Миллера по осетинам, был С. В. Кокиев, оказавший Миллеру в разрешении поставленных им научных проблем весьма существенную помощь. Придавая большое значение непосредственному знакомству с изучаемым народом, В. Ф. Миллер летом 1880 г. предпринял двухмесячную научную экспедицию в Осетию. «В этой поездке,— пишет Миллер,— сопровождал нас природный дигорец, учитель в реальном Владикавказском училище Ф. Кокиев, и его содействие мы обязаны отчетливым воспроизведением в транскрипции дигорских текстов, которые в нашем собрании впервые являются в печати»⁵.

Кокиев оказывал Миллеру существенную помощь при изучении языка и этнографии осетин. Он собирал словарный материал по осетинскому языку, а также привлекал к этой работе образованных осетин. Кокиевым были вовлечены в сбор словарного материала Дигуров из сел. Дарг-Кох, И. И. Дзампаев, А. А. Цаликов из Владикавказа, И. А. Толпаров из сел. Мизур, И. Б. Шанаев, И. Н. Шанаев из сел. Брута и ряд других⁶. Буквы осетинского алфавита распределялись между членами словарного коллектива, группировавшегося вокруг Кокиева. Весь собранный коллективом материал передавался Миллеру, который обобщал его и устанавливал языковые закономерности. Конкретным результатом работы словарного коллектива явился подготовленный Миллером к печати осетинско-русско-немецкий словарь из 8 тысяч слов, изданный со значительными дополнениями Академией Наук уже после Октябрьской революции⁷.

Кокиев занимался языком и этнографией своего родного народа с любовью и энтузиазмом. «Еще с большей готовностью предлагаю себя и свои услуги Вам,— писал он Миллеру,— чем чаще будете вопросами

³ Нарон. Владикавказские письма. Газ. «Сев. Кавказ» от 23 янв. 1897 г., № 7; ср. Материалы по истории осетинского народа, т. V, Орджоникидзе, 1942, стр. 161.

⁴ Известия Северо-Осетинск. научно-иссл. института, т. 2, Орджоникидзе, 1926, стр. 310.

⁵ В. Миллер, Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, стр. 4.

⁶ Письмо Кокиева к Миллеру от 15 ноября 1884 г.; ср. письмо Миллера к редактору газеты «Терек» от 3 июля 1883 г., № 78; ср. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. I, изд. АН СССР, 1927, стр. IV.

⁷ Осетинско-русско-немецкий словарь. Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана, т. I—II, изд. АН СССР, Л., 1927—1929.

снабжать, тем мне будет приятнее. В этом прошу ничуть не сомневаться»⁸.

Значительна и многогранна была помощь Кокиева Миллеру по линии этнографии осетин. Кокиев составлял для Миллера русско-осетинский глоссарий⁹ и по несколько раз перечитывал его тексты¹⁰. Так, Кокиев помог Миллеру разобраться в осетинской песне «Думка»¹¹, сложенной по поводу выселения осетин в Турцию в 1865 г. Миллер по этому поводу писал, что он «имел под рукою довольно плохой список, который помог мне разобрать г. Кокиев»¹².

С большой любовью Кокиев записывал интересные памятники устного народного творчества осетин, из которых только некоторые были опубликованы, а подавляющая их масса, хранящаяся в личном архиве Миллера, еще не увидела света. Осетинский памятник посвящения коня покойнику «Бахфалдесун», этот осетинский «Домострой», впервые был записан Кокиевым и передан Миллеру¹³. Этот замечательный памятник, являющийся, кстати, в записи Кокиева наиболее полным и лучшим, был использован Миллером в его осетинских текстах¹⁴.

Кокиев передал Миллеру также два интересных памятника — «Слепой Бибо» и «Беседа чорта с человеком», записанные им в Северной Осетии. «Слепой Бибо» в печати не появлялся, и никаких следов о нем нам пока не удалось обнаружить. Что касается сказки «Беседа чорта с человеком», то она существует и среди южных и среди северных осетин. Юго-осетинский вариант этого памятника не появлялся в печати¹⁵. Северо-осетинский вариант, легший в основу известной сказки Коста Хетагурова «Ласкдзаран»¹⁶, тоже не был опубликован. К сожалению, этот интересный памятник полностью до нас не дошел. Начало памятника утрачено. Случайно сохранилось окончание памятника в письме к Миллеру¹⁷.

В связи с изучением этногенеза осетин Миллер дал задание Кокиеву анализировать собственные осетинские имена и, по возможности, установить бесспорно осетинские и заимствованные от соседних народов. На основе громадного фактического материала, собранного у осетин, кабардинцев и других горцев, Кокиев пришел к выводу, что на основании собственных имен невозможно установить, какое из горских племен является наиболее древним. «Одни и те же имена попадают в Осетию, в Кабарде и у других племен. Поэтому вопрос о заимствовании пока труден и в связи с вопросом о старшинстве (в историческом смысле) кавказских народов»¹⁸.

Одновременно Кокиев подметил любопытную деталь: у осетин круг женских имен крайне ограничен. «У нас,— писал Кокиев,— список и выбор женских имен слишком ограничен, потому что по выходе замуж девушка уже теряет в семье свое имя, а ее уже зовут по рождению и по прежней фамилии — Кокион, Цагарон, Тхостон»¹⁹.

Своими этнографическими материалами по осетинам Кокиев подкреплял важнейшие догадки Миллера о культурно-исторической связи осе-

⁸ Письмо от 30 сентября 1880 г.

⁹ В. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 4; ч. II, М., 1882, стр. 13, 21.

¹¹ Там же, ч. I, стр. 105.

¹² Там же, стр. 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 109—115.

¹⁵ Полное собрание сочинений К. Хетагурова, изд. АН СССР, т. I, Л., 1939, стр. 191—192.

¹⁶ Там же, т. I, стр. 103—108.

¹⁷ Письмо С. Кокиева к Миллеру от 21 октября 1880 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

тин с Ираном. Осетинское сказание о Ростоме и Безане²⁰, записанное Миллером в сел. Алагире, напоминало ему известный эпизод Шахнамэ — убийство Зораба его отцом Рустэмом. Вариант этого памятника, записанный Кокиевым, подтвердил догадку Миллера. «Сообщаю Вам очень любопытный и интересный факт,— писал Кокиев Миллеру,— подтверждающий то сближение, которое Вы, в виде предположения, высказали, что Ростом (Даредзан) должен быть Рустэм. Я ездил в сел. Беслан, где удалось записать новый вариант сказания о Ростоме, где упоминаются фамилии Туранта и Бакарта: Ростом убил владетеля Туранова или Туранского»²¹. Основываясь на этом сообщении Кокиева, Миллер писал: «В одном варианте сказания о Ростоме, записанном г. Кокиевым в Беслане, как я знаю из письма ко мне г. Кокиева, про Ростом, между прочим, говорится, что он «амардта Туранти алдари», т. е. убил властителя туранцев»²².

Миллер высоко ценил сотрудничество Кокиева. Он считал своим долгом принести ему свою искреннюю благодарность за живое участие, которое тот принимал в его работе²³. «Осетинские этюды» Миллера являются и ныне непревзойденной работой в области осетинского языка и этнографии. Успех «Осетинских этюдов» в отечественной и европейской науке объясняется отчасти и тем, что в их создании принимали активное участие лучшие представители осетинской интеллигенции восьмидесятых годов прошлого века, среди которых одно из первых мест принадлежит Кокиеву. Не все этнографические работы Кокиева выявлены. Заслуживают быть отмеченными: его обстоятельный очерк «Калым у осетин»²⁴ и его широко известные «Записки о быте осетин»²⁵. Прежде чем опубликовать свою работу, Кокиев считал необходимым послать ее на просмотр Миллеру, которому она очень понравилась, но в то же время он дал Кокиеву некоторые советы относительно ее окончательного литературного оформления. В ответном письме Кокиев благодарил Миллера²⁶.

Все замечания Миллера, повидимому, автором были учтены, и в самом конце 1884 г. работа, уже в окончательной редакции, была отправлена Миллеру, который и опубликовал ее в 1885 г. в редактируемом им сборнике материалов по этнографии. Этнографический очерк Кокиева об осетинах обратил на себя внимание М. М. Ковалевского, который использовал его во 2-й главе своего капитального труда, в разделе о религиозных верованиях и общественном устройстве осетин²⁷.

Причина успеха этнографического очерка Кокиева заключалась в том, что автор написал его исключительно на основе личных наблюдений над бытом своего народа. Он не был случайным наблюдателем чужого ему быта, а описывал быт родного народа, среди которого родился и вырос.

Очерк Кокиева был написан по определенному плану, разосланному Миллером всем сотрудникам сборников материалов по этнографии. Подчеркнув высокое значение, придаваемое осетинам своему жилищу, Кокиев в своем этнографическом очерке дал весьма интересное и подробное описание жилища осетин в нагорной полосе и на плоскогорье и связанных с жилищем многообразных религиозных верований осетин, в

²⁰ В. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, стр. 79.

²¹ Письмо Кокиева к Миллеру (не датировано, но есть основание думать, что оно написано в 1880 г.).

²² В. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, стр. 12.

²³ Там же, стр. 5.

²⁴ «Герские ведомости», 1887, № 4.

²⁵ Сборник материалов по этнографии, издан при Дашковском этнографическом музее под ред. В. Ф. Миллера, вып. I, М., 1885, стр. 67—112

²⁶ Письмо Кокиева к Миллеру от 15 ноября 1884 г.

²⁷ М. Ковалевский. Современный быт и древний закон, т. I, М., 1886, стр. 68, 76, 79.

силу которых «оскорбление жилища словом или действием, как то: подбрасывание дохлых животных, собак, кошек или совершение в нем какого-либо неприличного действия — наказывается наравне с кровомщением». По конструктивным формам Кокиев устанавливает различные типы осетинского жилища. Наиболее древним он считает родовые башни и полубашни, возникшие в определенных исторических условиях и служившие в свое время военными укреплениями. Более позднего происхождения являются жилища плоскостных осетин, ничем не отличающихся от жилищ русских казаков. Кокиев подметил несомненную связь между делением жилища на части и нравственными понятиями осетина, управляющими всей его семейной и общественной жизнью. Далее Кокиев подробно описал одежду осетин, их развлечения, музыкальные инструменты, оружие, основные хозяйственные занятия, верования и народную медицину. И всюду Кокиев проявляет глубокое знание быта своего народа. Сообщаемые Кокиевым в его этнографическом очерке факты и наблюдения из осетинского быта заслуживают безусловного доверия.

С. В. Кокиев писал много, но опубликовано им мало. Когда в 1885 г. Миллер предложил Кокиеву стать постоянным корреспондентом московских этнографических изданий, он уклонился от этого предложения исключительно потому, что «преподавателям строго воспрещено циркуляром участие в периодических изданиях»²⁸.

Выдающийся этнограф осетинского народа, С. В. Кокиев своей научной и общественной деятельностью популяризировал среди лучших представителей русской науки неисчерпаемые духовные богатства даровитого, по выражению В. Ф. Миллера, осетинского народа и способствовал приобщению осетин к передовой культуре русского народа. С. В. Кокиев, как один из первых и лучших этнографов осетинского народа, ждет еще своего исследователя.

---

²⁸ Письмо Кокиева к Миллеру от 28 августа 1892 г.